Рецензия на книгу: Агарин Е. Трудами рук своих: Толстовские земледельческие колонии в дореволюционной России. М.: Common Place, 2019. — 382 с. (Вершки и корешки) ISBN 978-999999-0-84-4

И.А. Гордеева

Ирина Александровна Гордеева, кандидат исторических наук, доцент Свято-Филаретовского православно-христианского института. 105062, Москва, ул. Покровка, д. 29. E-mail: gordnepl@gmail.com

DOI: 10.22394/2500-1809-2019-4-3-186-194

Эта рецензия — уже не первый отзыв на книгу издательства Common Place, который печатается в журнале «Крестьяноведение»[1], и это не случайно. Common place — молодое, маленькое, но плодовитое DIY-издательство, не имеющее ни директора, ни редколлегии, которое выпускает книги с помощью волонтеров[2]. Участники этого проекта считают важным публиковать тексты (как первоисточники, так и исследовательские работы) на тему низовой самоорганизации — в историческом, теоретическом и практическом измерениях, а также работы, посвященные жизни и формам протеста социальных низов, народно-анархическим и другим автономным движениям, социальным экспериментам, этическим альтернативам и радикальным биографиям, полагая, что подобная проблематика актуальна для современной России.

1. *Рынков В.М.* (2019). Примат общественного над личным, или Российская деревня через юридическо-антропологическую оптику Владимира Безгина // Крестьяноведение. Т. 4. № 1. С. 145–158. Рец. на книги: *Безгин В.Б.* Мужицкая правда. Обычное право и суд русских крестьян. М.: Common Place, 2017; *Безгин В.* (2017). Повседневный мир русской крестьянки периода поздней империи. М.: Ломоносов.
2. «Закапывание стоптанных башмаков — древнеуйгурский ритуал, цель которого — соединить мир живых с миром мертвых и не дать расползтись ветхой ткани времени. Чем-то похожим занимается и независимое издательство Common place, выпускающее книги мертвых для живых и книги живых для того, чтобы крепче стоять на ногах сегодня, через неделю, месяц и год», — такие слова предваряют интервью с основателями издательства на ресурсе krot.me (Сандалов Ф. Закопай свои башмаки. URL: https://krot.me/articles/common_place).

Серия «Вершки и корешки» (отсылка к Е. Летову), в которой вышло исследование Агарина, задумана в народническом ключе, для публикации исследований и материалов, отражающих поиск связи между народными низами и интеллектуалами, опыт тех общественных деятелей и движений, которые ставили перед собой цель устранить разрыв между образованным меньшинством и народом. В ней выходили, например, такие книги, как «Инородцы: Очерки дореволюционной этнографии», «Сектанты: Очерки по истории народных религиозных движений» Д.Н. Овсянико-Куликовского, «Мужицкая правда. Обычное право и суд русских крестьян» В. Безгина, а также переиздание моей собственной монографии «Забытые люди», посвященной истории российского коммунитарного движения последней четверти XX в.

Таким образом, проект Common Place может заинтересовать всех, кто, подобно крестьяноведам, занимается историей «снизу», ставит перед собой цель «сделать историю народной»[3], написать ее с точки зрения угнетенных, обнаружить в событиях прошлого политическую субъектность простого народа.

Ефим Владимирович Агарин — молодой историк, выпускник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского (ННГУ), в настоящее время — преподаватель Приволжского медицинского университета в Нижнем Новгороде. В 2016 году он защитил диссертацию на тему «Толстовство и толстовские земледельческие колонии в дореволюционной России»[4], переработанной версией которой и является рецензируемая монография.

Толстовское движение — это этическое течение и религиозно-общественное движение, возникшее в России и во всем мире в конце 1880-х годов под влиянием работ Л.Н. Толстого и получившее особенно широкое распространение в первой трети XX века. Первые российские толстовцы, принадлежа к мирному течению в русском народничестве, противопоставляли свой общественный идеал революционному и ставили перед собой цель изменить общество путем мирного нравственного самосовершенствования в сельскохозяйственных общинах (колониях, коммунах). Толстовское коммунитарное движение просуществовало до конца 1930-х годов, когда последние толстовские коммуны были уничтожены, а их участники — репрессированы. Еще одно движение, организаторами кото-

3. См. круглый стол, организованный ФБ-ресурсом «Сама пойдет», «Как сделать историю СССР народной?», целью которого было инициировать дискуссию о возможностях написания «народной истории» (истории с точки зрения угнетенных классов и групп) СССР в духе Г. Зинна «в качестве альтернативы как либерально-западнической, так и национал-сталинистской, а также формирующейся национал-либеральной позиции»: URL: https://www.facebook.com/samapoidet/videos/497077524362017/

4. *Агарин Е.В.* (2016). Толстовство и толстовские земледельческие колонии в дореволюционной России: Дисс... канд. ист. наук: 07.00.02 [Место защиты: Казан. (Приволж.) федер. ун-т]. Нижний Новгород.

рого стали толстовцы, — радикально-пацифистское — зародилось на рубеже XIX–XX веков и ставило перед собой цель радикальной трансформации международных, социальных и межличностных отношений в духе любви и ненасилия с помощью всемирной ненасильственной революции братства. Помимо этого, толстовцы были участниками самых разных религиозно-этических течений, например, вегетарианского, эсперантистского и т. п.

Социальный состав толстовского движения был пестрым и имел определенную динамику: зародившись преимущественно в кругах образованных людей и даже в среде аристократии, со временем демократизировалось, распространившись на широкие слои горожан и крестьян, оказав особенное влияние на сектантов и богоискателей из народа.

За кажущейся известностью этого движения скрывается удручающая неизученность. Как до Революции, так и в советское и постсоветское время толстовство подвергалось резкой критике с позиций сначала охранительного крыла православной церкви, а позднее ленинских трудов о Толстом, что препятствовало научному исследованию этого явления и привело к почти полному забвению толстовской этики, коммунитаризма и пацифизма, опыта практической реализации идеалов, несмотря на удивительное богатство архивов толстовцев.

Лишь в позднее советское время началось научное освоение истории толстовского движения. В рамках «оттепельной» советской исторической науки вопрос о связи толстовцев с русским сектантством изучал А.И. Клибанов[5], чуть позже, в середине 1970-х, советские диссиденты открыли для себя толстовскую народную традицию сопротивления[6]. Работы М. Поповского о толстовцах и публикация воспоминаний крестьян-толстовцев А. Рогинского уже в период перестройки вызвали большой общественный резонанс как в России, так и за рубежом, активизировали научные исследования этого движения[7]. Тем не менее, несмотря на наличие значи-

5. *Клибанов А.И.* (1969). Религиозное сектантство и современность: (Социологические и исторические очерки). М.: Наука. С. 181–187, и др. работы данного автора.
6. *Поповский М.* (1983). Русские мужики рассказывают: Последователи Л.Н. Толстого в Советском Союзе, 1918–1977: Документальный рассказ о крестьянах-толстовцах в СССР: По материалам вывезенного на Запад крестьянского архива. London: Overseas Publications Interchange (OPI); Воспоминания крестьян-толстовцев (1989) 1910–1930-е гг. / Сост. А.Б. Рогинский. М.: Книга; английский перевод: Memoirs of Peasant Tolstoyans in Soviet Russia (1993) / Trans. by William Edgerton. Bloomington: Indiana University Press.
7. Вот перечень лишь самых значимых работ либо целиком посвященных истории толстовства, либо уделяющих этому течению значительное внимание: Эткинд А.М. (1989). Русские секты и советский коммунизм: Проект Владимира Бонч-Бруевича // Минувшее. Т. 19. С. 275–319; *Он же* (1998). Хлыст: (Секты, литература и революция). М.: НЛО; *Edgerton W.* (1988).

мых результатов, большого исследования по истории толстовского движения, обобщающего как дореволюционные, так и послереволюционные материалы, пока не появилось, и главное, уже имеющиеся результаты исследований еще не интегрированы в более общую историографическую проблематику.

Работа Агарина — это первая попытка обобщающего исследования толстовских колоний дореволюционного периода. Он рассматривает толстовство как систему, «в широком смысле — как исторически сложившуюся систему религиозных, этических, социальных и иных принципов, которые разделяли как Толстой, так и его последователи» (с. 8). Для автора исследование носит личностный, этический характер, по его мнению, «толстовство — это не просто вегетарианство или “опрощение”, и даже не только пацифизм и земледельческие колонии. Толстовство — это вера в то, что благополучие человеческого общества начинается не столько с мудрой политики и справедливого социального устройства или религии, сколько с самого человека; это вера в то, что, начав с себя, каждый из нас может изменить мир к лучшему» (с. 7).

Исследователь собрал огромный фактический материал, работал во множестве архивов и библиотек Москвы и Нижнего Новгорода, за ним стоит качественная источниковедческая школа, он любит и умеет работать с источниками. Множество неопубликованных документов он вводит в научный оборот впервые, хотя, к сожалению, в монографии отсутствует общий обзор и характеристика использованных материалов.

Во введении Агарин утверждает, что толстовское движение имело «яркий национальный колорит» и что «некоторые черты, отразившиеся в толстовском мировоззрении, по-прежнему можно обнаружить среди наших национальных особенностей. Таковы

The Social Influence of Lev Tolstoy in Bulgaria // American Contributions to the Tenth International Congress of Slavists. Sofia, September. Vol. 2, Literature. Columbus, Ohio. P. 123–138; *Brock P.* (1997). Testimonies of Conscience Sent from the Soviet Union to the War Resisters' International 1923–1929. Toronto: Printed privately; *Brock P.* (1999). Soviet Conscientious Objectors, 1917–1939: A Chapter in the History of Twentieth-Century Pacifism. Toronto (и многие другие работы данного автора); *Гетель Е.И.* (1997). Объединенный Совет религиозных общин и групп как одно из проявлений русского религиозного пацифизма // Долгий путь российского пацифизма. М. С. 301–317; *Гордеева И.А.* (2003). «Забытые люди»: История российского коммунитарного движения. М.: АИРО–XX (2-е изд.: М.: Common Place, 2017); *Крапивин М.Ю., Лейкин А.Я., Далгатов А.Г.* (2003). Судьбы христианского сектантства в Советской России (1917 — конец 1930-х годов). СПб.: Изд-во СПб. ун-та; *Редькина О.Ю.* (2004). Сельскохозяйственные религиозные коллективы в 1917-м — 1930-е годы: на материалах европейской части РСФСР. Волгоград: Изд-во ВГУ; *Петухова Т.В.* (2008). Коммуны и артели толстовцев в Советской России (1917–1929 гг.). Ульяновск; *Alston Ch.* (2014). Tolstoy and His Disciples: The History of a Radical International Movement. L., N.Y.: I.B. Tauris.

идеализация прошлого, вера в “особую миссию” народа и страны, непредсказуемое сочетание индивидуализма и традиционного коллективизма, политический индифферентизм, в некотором роде даже стремление сохранить связь с землей, существующее вопреки развитию рыночных отношений» (с. 11–12). В основной части работы эта сомнительная тема больше не поднимается.

Формулируя цель и задачи исследования, автор колеблется между поиском «сущностей», «закономерностей», «объективных факторов» и исследованием в духе социологии знания К. Мангейма, и эта сумбурность теоретического языка сохраняется на всем протяжении работы. Наивный эссенциализм, обилие теоретических фикций («довольно простой факт», «закономерное слияние социальных течений», «обочина мировоззрения», «религиозно-философские постулаты», «достаточно простая и очевидная причина» и т. п.), отсутствие единой и сколько-нибудь внятной теоретической и методологической линии исследования сильно затрудняют чтение книги даже для тех, кто с большим интересом относится к толстовскому движению.

В «Обзоре литературы» Агарин дает подробный очерк истории изучения религиозно-общественного учения Толстого и толстовства в российской и частично англоязычной историографии. В поисках «объективного», «беспристрастного» и «целостного образа» толстовства он проделал огромную работу, которая послужит хорошим библиографическим путеводителем для всех, кто начинает исследование толстовского движения.

В первой главе «Сущность и истоки толстовства» рассматриваются народнические истоки движения, его связь с сектантством и «альтернативными» движениями. Обращаясь к истории толстовских земледельческих колоний, Агарин ставит вопросы об идеологической природе толстовства, общественном идеале толстовцев, мотивах их движения «на землю», пытается выявить характерные черты толстовских колоний. Он убедительно показывает, что толстовское движение было мирной разновидностью («историко-генетической формой», как он выражается) народничества «в широком смысле» (с. 80–81), однако в дальнейшем тексте неоднократно противопоставляет толстовское и российское народническое движение, ассоциируя последнее то с революционным народничеством, то с коммунитарным движением. Эта часть работы убедительно демонстрирует, что рассказ о толстовском движении давно уже должен стать обязательной частью общих курсов по истории народнического движения, в котором у нас традиционно недооцениваются мирные, культурнические течения.

Агарин пишет и о влиянии на толстовское движение «альтернативных — новых социальных движений», в то время как, на мой взгляд, правильно было бы утверждать, что толстовское движение само было альтернативным движением и предтечей некоторых новых социальных движений (большинство толстовцев одновременно

были пацифистами, вегетарианцами, эсперантистами и приверженцами многих других идей и ценностей, характерных для движений подобного типа). Точно так же нельзя развести толстовское движение и коммунитарное (с. 78) — начиная с 1880-х годов толстовцы стали самыми активными проводниками коммунитарного идеала, при этом нередко они создавали поселения совместно с любителями земледельческого труда, которые не являлись толстовцами. Что касается утверждения Агарина, согласно которому для толстовцев община не была «доминирующим принципом», в отличие от участников коммунитарного движения, — оно основано на неверном понимании коммунитаризма, для которого, как показано в моей диссертации, были характерны самые разные формы воплощения идеала, включавшие, помимо поселений на земле, дружеские кружки единомышленников.

Неверным представляется утверждение автора, согласно которому у толстовского движения отсутствовала организационная основа, и «более тридцати лет толстовское движение существовало лишь благодаря личным контактам людей, группировавшихся вокруг Л.Н. Толстого и его активных последователей» (с. 74). Мощной объединяющей основой для толстовцев явились их издательские проекты, и прежде всего «Посредник» и «Свободное слово»; Московское вегетарианское общество и толстовские журналы также играли важнейшую объединяющую и координирующую роль, и это никак не отменяет «субкультурности» и «альтернативности» движения.

Также спорно утверждение, будто толстовское движение было абсолютно аполитичным, эскапистским и даже экстрархистским, то есть внегосударственным (с. 57). Этот давний стереотип был опровергнут как в статье итальянской исследовательницы А. Саломони[8], так и в моих последних работах о радикально-пацифистском движении толстовцев.

Доказать аполитизм толстовства, противопоставить его народничеству и коммунитарному движению можно, только чрезвычайно сузив понятие толстовства до движения «на землю». Его анализу автор посвящает целиком вторую главу «Толстовство и движение “на землю”». Здесь он использует старое разделение толстовцев на «светлых» и «темных», или на «теоретиков» и «активистов» (с. 101–105)[9]. Эта часть работы полна логических противоречий: согласно Агарину, «теоретики» «видели в концепции Толстого преимущественно религиозно-философское учение и меньше внимания

8. *Саломони А.* (1997). Эмигранты-толстовцы: между христианством и анархизмом (1898–1905 гг.) // Русская эмиграция до 1917 года — лаборатория либеральной и революционной мысли. СПб. С. 112–127.

9. Разделение толстовства на «теоретиков» и «практиков», которое присутствовало в моей диссертации 2000 года, я в настоящее время считаю ошибочным.

уделяли ее социальным идеалам, поэтому своей повседневной жизни кардинально не изменяли», они более известны своей общественной деятельностью (издание литературы для народа, защиты сектантов от гонений, распространение работ Толстого) — на самом деле, этот перечень побуждает назвать «теоретиков» практиками. «Активисты» же «напротив, ярче воспринимали социальную направленность учения Толстого и стремились вести трудовой земледельческий образ жизни» (с. 104–105). Списков «теоретиков» и «практиков» автор не приводит, упоминая лишь отдельные имена, причем среди «теоретиков» оказывается, например, П.И. Бирюков, который хотя и не занимался никогда земледельческим трудом, но всегда вызывал восхищение своего окружения простотой и неприхотливостью повседневной жизни и жизни его семьи. И таких несоответствий можно найти огромное множество, если попытаться применить предложенную классификацию для исследования биографий толстовцев.

Исследуя динамику первых земледельческих поселений толстовцев, Агарин делает вывод, что постепенно участники движения отказались от «общинного идеала» в пользу артелей, соседских поселений и хуторов (с. 134–136). К сожалению, описание этих форм, которое дается автором в последующих главах, не содержит в себе информации о том, на какие интеллектуальные источники опирались толстовцы в выборе форм поселений, как они сами их концептуализировали, с какими традициями связывали.

Возможно, этот недостаток связан со слабой изученностью «социалистического словаря» российской истории. В советское время этот словарь был целиком заимствован из марксизма и не отражал всего богатства форм народно-коммунистического творчества. В ранний постсоветский период историки пренебрегали подобной проблематикой, поэтому у нас практически нет исследований того, какими смыслами в российской интеллектуальной и социальной истории наделялись такие понятия, как «колония», «община», «коммуна», «поселение», «кооператив», «артель», «социализм», «коммунизм», «братство» и т. п., и как эти смыслы трансформировались в разные исторические периоды. Как показывает работа Агарина, история толстовского движения предоставляет богатый материал для подобного исследования.

Агарин утверждает, что толстовцам был свойственен крайний индивидуализм, который и привел к тому, что форма общины сменилась на индивидуальные поселения, и движение приняло эскапистский характер (с. 137). При этом остается неясным, что произошло с этим индивидуализмом на следующем этапе, когда толстовцы вновь вернулись к форме общины и даже коммуны, и остается пожалеть, что 1917 год был выбран в качестве верхней хронологической рамки работы. Нет никаких оснований считать этот год точкой разрыва в истории толстовского движения, поскольку толстовцы были активными участниками революционных процессов 1917-го и последующих лет.

Третья глава — «Коллективные колонии толстовцев в 1881–1917 гг.», думается, должна была бы открывать исследование, поскольку она знакомит нас с «внешней» историей толстовских поселений (поэтому новым читателям книги рекомендую начинать чтение именно с нее). Это самая ценная часть работы Агарина, она представляет собой тщательную реконструкцию истории толстовского движения «на землю», выполненную на основе архивных документов и материалов периодической печати. И если история движения до начала XX века в основном повторяет мое собственное исследование, то материалы начала XX века были собраны и систематизированы впервые. В данной главе Агарин опровергает «стереотипное представление» о том, что «история земледельческих колоний целиком состоит из провалов и является историей крушения толстовских надежд» (на материалах советского периода этот тезис уже был неоднократно опровергнут исследователями).

Четвертая глава посвящена «индивидуальным колониям» толстовцев и странничеству и также содержит массу нового фактического материала. Однако из нее остается неясным, какое отношение к движению «на землю» и трудовым идеалам имеют «странствующие» толстовцы, с большой симпатией описанные в одном из параграфов.

В пятой главе даются общие замечания о движении толстовцев «на землю» в указанный период, в ней наиболее значимой частью является параграф о социальном составе колоний, изменение которого автор считает самой важной переменой в истории движения. Агарин анализирует социальное происхождение участников толстовских поселений и доказывает заметное увеличение численности крестьян и рабочих в движении после Первой русской революции. Однако авторский вывод, что интеллигенция отходит от толстовства (с. 275), на мой взгляд, не обоснован, так как численность интеллигенции также росла, хотя ее удельный вес и снижался. Это интереснейший момент в истории движения (в данном случае не важно, как мы его назовем — толстовским, коммунитарным, движением «на землю» или как-то иначе), поскольку фиксируется начало процесса массового сознательного участия представителей «низов» в современном, уже не просто религиозном, а религиозно-общественном движении. При всей важности количественных подсчетов автор совсем не исследует материалы крестьян — участников движения, не ставит вопроса об их мотивации, о взаимоотношениях толстовцев-интеллигентов и крестьян, не пытается определить «сущность» движения на новом этапе с новой социальной базой. Между тем крестьян уже никак нельзя считать народниками, а их обращение к толстовству — стремлением к опрощению жизни как следованию социальному идеалу Толстого.

В приложениях к книге приводятся поименные списки участников толстовских колоний с указанием их социального происхождения, список толстовских поселений (общий и разбитый на колонии),

публикуются отдельные документы, связанные с организацией колоний, а также редкие фотографии известных толстовцев.

По прочтении книги остается так много вопросов, что, я надеюсь, они спровоцируют особенно пристрастных читателей пойти в архив, познакомиться с богатейшими и малоисследованными личными фондами и коллекциями толстовцев[10] и, может быть, предпринять новое самостоятельное исследование.

Book review: Agarin E. By the labor of one's hands: Tolstoyans' agricultural colonies in pre-revolutionary Russia

Irina A. Gordeeva, PhD (History), Associate Professor, St. Philaret's Christian Orthodox Institute. Pokrovka St., 29, Moscow, 105062. E-mail: gordnepl@gmail.com

10. С конца XIX в. и до конца 1930-х годов толстовцы целенаправленно собирали материалы по истории российских религиозно-общественных движений. Богатейшие личные фонды толстовцев хранятся в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), Отделе рукописей Государственного музея Л.Н. Толстого (ОР ГМТ), Научно-историческом архиве Государственного музея истории религии (НИА ГМИР), Архиве Международного общества «Мемориал», в ряде региональных архивов.